

18+

МАКАР СИЛЬВЕРШТЕЙН

НАДЕЖДА

Макар Сильверштейн

Надежда

«Издательские решения»

Сильверштейн М. А.

Надежда / М. А. Сильверштейн — «Издательские решения»,

В мире, где Карфагенская империя пожирает народы, а человеческая жизнь стоит три серебряные монеты, судьбы разных людей начинают переплетаться. Беглая рабыня, изгнанный принц, беглый раб и молодой пастух — каждый из них сломлен, каждый потерял всё. Но именно из таких людей, прошедших через самое дно, рождаются те, кто способен изменить мир.

Содержание

Книга I. Воля	6
Глава I. Три охотника	6
Глава II. Амир Фарисид	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Надежда

Макар Алексеевич Сильверштейн

Корректор Игорь Николаевич Евтишенков

© Макар Алексеевич Сильверштейн, 2026

ISBN 978-5-0071-2323-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга I. Воля

Глава I. Три охотника

К Масиафу вела старая барабийская дорога. Империя, проложившая её, давно рассыпалась; плиты всё ещё держались. По ним шли купцы, рабы и карфагенские каратели — порой одни и те же люди, только в разное время.

Земля вокруг города уже не кормила никого. Песок наступал на поля, высохшие колодцы заносило пылью, а редкие поселения жили от реквизиции до реквизиции. Карфаген называл эти земли губернаторствами. Местные называли их тем, чем они стали: ловушкой.

На вершине холма остановились трое всадников.

— Масиаф — помойка, — сказал Дамир. — А ведь когда-то был крупнейшим рынком на всём Срединном море.

Город громоздился над гаванью: бурые стены, плоские крыши, старые барабийские башни. За ними серела вода, покрытая парусами и нефтяными пятнами.

Максим присвистнул.

— Не вдали. По такой стене две колесницы разъедутся.

Он был моложе спутников — полноватый, бородатый, одетый слишком дорого для пыльной дороги. От полонского дворянина у него осталась привычка говорить так, будто любой разговор происходил за его столом.

— Дорогой пан Максимильян, — протянул Фурио, — твой народ, возможно, и разъедется. Мой будет брать эти стены штурмом.

Тилиец провёл ладонью по длинной косе, висевшей у пояса. Она принадлежала эсталийскому генералу, которого Фурио убил в войну за Тилию. Сам он брил голову наголо.

— А если полонцам удобнее остаться рабами Карфагена, — добавил он, — мешать не стану.

Максим выругался и шагнул к нему. Дамир поймал его за плечо раньше, чем рука легла на меч.

— Не здесь.

— Убери руку.

— Когда перестанешь дрожать.

Максим попытался вырваться. Пальцы Дамира сжались сильнее, и ярость на лице полонца сменилась болью.

— Он этого ждёт, — тихо сказал Дамир. — Не доставляй ему удовольствия.

Фурио улыбался. Именно поэтому Дамир не отпускал Максима ещё несколько ударов сердца.

Они втроем работали больше десяти лет. Называли себя конторой, хотя не держали ни вывески, ни постоянного адреса. Устраняли помехи, возвращали беглецов, находили людей, которые не желали быть найденными. Дамир принимал решения. Максим договаривался, когда не был пьян или зол. Фурио делал то, после чего договариваться уже не требовалось.

— Спустимся, найдём чайхану и работу, — сказал Дамир. — А вечером вы снова напьётесь, едва не убьёте друг друга и помиритесь. Как всегда.

Максим вырвал плечо из его руки.

— Когда-нибудь ты ошибёшься.

— Наверняка.

Дамир повернул коня к городу.

У ворот никто не проверил ни имён, ни оружия. Стражники в выцветших пурпурных плащах лениво считали телеги. Их интересовало не то, кто входит в Масиаф, а сколько товара выйдет обратно.

Внутри пахло гарью, пряностями и сточной водой. Верхние этажи нависали над улицами; между балконами можно было пожать друг другу руки. Торговцы перекрикивали погонщиков, носильщиков и рабовладельцев. Дамир шёл впереди и отмечал проулки, посты стражи, открытые дворы. Привычка, однажды спасшая им жизнь, давно стала сильнее любопытства.

Первую чайхану он выбрал потому, что у неё было два выхода.

Хозяин подошёл сам. Его звали Аарон — солидный мужчина с густой бородой, скрывавшей почти всё лицо. Он сел напротив без приглашения и прищурился.

— Дамиг'х. Сколько лет, сколько зим.

Ахентский выговор смягчал согласные и растягивал слова. Дамир узнал голос прежде, чем лицо.

— Не ожидал увидеть тебя на карфагенской земле.

— Карфагеняне могут думать указами. Масиаф был Барабией и ею останется, друг мой. — Ахентец разлил чай. — К тому же здесь ценят людей, которые умеют решать неприятные вопросы.

— Поэтому мы здесь.

Хозяин улыбнулся одними губами.

— У Рашида ибн Халида аль-Фариса сбежала рабыня. Лесная эльфийка.

Максим перестал разглядывать посуду.

— У халифа Сардонии?

— У него. Рашид — старший сын покойного халифа. Престол, однако, предназначался младшему, Амиру. Три года назад Амира объявили отцеубийцей и изгнали, а старший брат занял его место. Теперь Рашид приехал в Масиаф заключать сделки с карфагенскими торговцами. И потерял любимую вещь.

Последнее слово ахентец произнёс без насмешки. Именно так оно значилось в бумагах.

— Сколько? — спросил Максим.

— Девять мешков чистого золота вам. Один — мне. Если сработаемся, это будет только начало.

Максим тихо выдохнул. Фурио перестал улыбаться.

Дамир смотрел на хозяина.

— Почему за одну беглянку платят как за небольшую войну?

— Потому что Рашиду мало вернуть её. Он хочет наказать её перед остальными. Власть любит зрителей.

Ахентец развернул портрет. Молодая женщина с чёрными волосами смотрела с пергамента чуть в сторону. Художник тщательно выписал острые скулы, большие глаза и кончики ушей.

— Я видел её здесь, — продолжил хозяин. — Красивая, как фьорд в ясный день. Даже жаль.

— Жалость не помешала тебе взять заказ, — заметил Дамир.

— Жалость, Дамиг'х, обходится дорого. Я пока не настолько богат.

— Где её видели?

— В нижнем районе, у старого канала. Сначала одну, потом с каким-то мужчиной. Рашид хочет её живой и невредимой. Остальные условия можешь толковать сам.

Дамир убрал портрет за пазуху.

— Платим за сведения, не шумим. Найдём — заберём быстро.

— Ты изменился, — сказал ахентец.

— Просто выучил цену ошибки.

Они вышли через заднюю дверь.

В нижнем городе камень уступал гнилому дереву и ржавому железу. Старый канал превратился в сточную канаву. У воды теснились ночлежки, склады и убежища тех, кому не хватало денег даже на право быть незаметными.

За несколько монет хозяин тёмной чайной отправил их к храму Безымянной. Храм не имел ни знака, ни окон. У двери сидел мальчик лет двенадцати.

— С оружием нельзя.

Дамир положил меч у стены. Максим и Фурио подчинились после короткого взгляда.

За дверью открылся двор с каменным бассейном. На циновках спали женщины, старики и дети. Под навесом сидела слепая жрица; её лицо покрывали синие татуировки.

— Охотники, — сказала она, когда трое подошли. — От вас пахнет старой кровью.

— Мы ищем лесную эльфийку.

— Ту, что пахнет хвоей и страхом? Была здесь. Ушла на рассвете.

— Куда?

Жрица протянула ладонь. Дамир положил в неё кошель.

— К старой пристани. Там переправляют людей без имён.

— Почему выдаёшь её?

— Потому что она не заплатила. — Слепые глаза повернулись к нему. — А ты заплатил.

У двери Максим забрал меч и усмехнулся:

— Святое место.

— В Масиафе свято только то, за что внесли вперёд, — ответил Дамир.

К пристани они вышли на закате. За стихийным рынком начинались заброшенные склады. У стены сидели трое детей, соединённые одной цепью. Фурио задержал на них взгляд.

— Не смотри, — сказал Дамир.

— Я думаю.

— Это для тебя опаснее.

— Думаю, сколько таких мы видели.

Дамир не ответил. Он тоже считал когда-то. Перестал на второй сотне.

Старая барабийская верфь лежала в стороне от гавани. Из чёрной воды торчали рёбра недостроенных кораблей. В полуразрушенной портовой конторе горели четыре огня.

— Нас заметили, — сказал Фурио.

— Заходишь вдоль воды. Максим — через пролом справа. Я отвлекаю.

— Если там лучники? — спросил Максим.

— Тогда отомстишь за меня.

— Всегда мечтал, — отозвался Фурио и исчез между остовами кораблей.

Дамир пошёл по открытому берегу. Меч оставался под плащом.

Навстречу вышел коренастый мужчина с топором. Следом показались худой человек с ножом и лучник.

— Мне нужна переправа, — сказал Дамир.

— Переправы нет.

— Я заплачу.

— Ты один?

— Разве это важно?

Лучник натянул тетиву.

— Важно, кого обыскивать после.

Справа вскрикнул человек. Лучник повернул голову — и Дамир обнажил меч.

Он рассёк лук, обратным движением полоснул стрелка по груди и ушёл от топора. Удар кулака смял коренастому горло. Третий отступил к стене, но за спиной уже стоял Фурио.

Внутри здания кто-то заорал голосом Максима.

Дамир вбежал под свод. Здесь оказались не контрабандисты, а их клиенты: беглецы среди тюков, бочек и соломенных подстилок. У дальней стены Максим держал на острие двоих.

Женщина совпадала с портретом. Рядом стоял высокий мужчина со шрамом через левую щеку. Его короткий меч был поднят без дрожи.

— Отойди, — сказал Максим. — Она нам нужна. Тебя никто не нанимал убивать.

— Нет.

Дамир сразу увидел: мужчина обучен. Не стражник и не случайный попутчик.

— Как тебя зовут?

Ответила эльфийка:

— Авраам.

— Молчи, — бросил тот.

— Они уже знают, кого ищут.

Она встала рядом с Авраамом. Босая, в грязном платье, истощённая — и всё же не прячущаяся у него за спиной.

— Вы хотите вернуть меня Рашиду, — сказала она. — Знаете, что он делает с беглыми?

— Нет, — ответил Дамир. — Расскажи.

Она рассказала. Не о слухах — о людях, которых знала. О наказаниях, растянутых на дни. О рабынях, убитых за её неповиновение. О трёх годах, когда чужая прихоть решала, кому жить до утра.

Дамир слушал. Раньше подобные истории помогали ему не спать перед работой; потом перестали действовать. Эта женщина говорила не как просительница. В её голосе не было надежды на их милость — только ненависть к человеку, которому они служили за деньги.

— Как вы бежали? — спросил он.

— Рашид привёз её в Масиаф напоказ, — ответил Авраам. — Я был его палачом. Знал смены караула, выходы и людей, которых можно купить.

— Почему помог?

— Надоело быть его рукой.

Авраам сказал это спокойно. Дамир почувствовал, что уже слышал эти слова, хотя никто их прежде не произносил.

— Сколько у вас денег?

Максим резко повернулся:

— Дамир.

— Пятьдесят золотых и несколько украшений, — сказала эльфийка.

— Оставьте себе. Вам понадобятся лошади.

— Ты что делаешь? — спросил Максим.

Дамир сложил портрет вчетверо и бросил в огонь.

— След ушёл морем. Мы опоздали.

— Девять мешков, — напомнил Максим. — Девять мешков золота за ней, а ты жжёшь портрет?

— Да.

— Ради этих двоих?

Дамир посмотрел на Авраама. Вспомнил детей на цепи, взгляд Фурио и собственный совет не смотреть.

— Ради себя. Я устал от человека, которым возвращаюсь с каждой работы.

Максим выхватил меч. Фурио сдвинулся вбок, отрезая выход.

Дамир не хотел их убивать. Именно поэтому закончил бой быстро: рукоятью в висок Максиму, локтем в горло Фурио, кулаком в челюсть. Полонец упал без сознания. Тилицец остался у стены, хватая воздух.

— Они очнутся? — спросила женщина.

— Скоро. Поэтому уходим сейчас.

У конного двора Дамир купил трёх невзрачных пустынных лошадей. Пока Авраам седлал их, он спросил:

— Куда ты нас ведёшь?

— На север, через Гелдор. Там война. В мирных землях Рашид найдёт вас быстрее.

Дамир повернулся к эльфийке.

— А тебя как зовут?

— Ульрика.

Она произнесла имя твёрдо, будто возвращала себе вещь, которую долго хранил другой.

За северными воротами они пустили коней рысью. Не проехали и двух миль, когда сзади загремели копыта.

Дамир обернулся. Погоня вышла из ворот; впереди скакали Максим и Фурио. Они наняли девять клинков: часть гналась следом, остальные по другой дороге успели перерезать путь впереди.

Максим успел нанять погоню и разделить людей, чтобы перекрыть обе дороги.

— Скачите! — крикнул Дамир.

Выход перекрыли. Он осадил коня и спешился.

— Максим, возьми своих людей и уйди.

Полонец держался в седле криво; на виске запеклась кровь.

— Ты ударил меня. Украл заказ. Решил, что нам можно солгать и уйти.

— Я отказался от работы.

— За всех троих.

Фурио молчал. Его опухшая губа чуть изгибалась.

— Отдай эльфийку, — сказал Максим. — Тогда умрёшь быстро.

Дамир понял: спорить больше не с кем.

— Авраам, держись рядом. Ульрика, когда начнётся — уходи на север и не оборачивайся.

— Я не оставлю его.

— Оставишь, если хочешь, чтобы его выбор что-нибудь значил.

Максим атаковал.

Наёмники сомкнулись вокруг. Дамир встретил первого у стремени, второму вспорол бедро и едва ушёл от копья. Авраам бил иначе — коротко, без замахов, экономя каждое движение. За несколько мгновений дорога стала скользкой от крови.

Ульрика всё ещё не двигалась.

— Беги! — крикнул Авраам.

Она ударила коня пятками. Проскочила между двумя сцепившимися всадниками и ушла в темноту.

Дамир позволил себе посмотреть ей вслед — всего на миг. Этого хватило, чтобы Максим достал его по плечу.

Они знали друг друга слишком хорошо. Каждый финт, каждую ложную стойку, каждый вдох перед ударом. Максим рубил правой рукой; после падения его движения стали резче и небрежнее. Дамир отступал, пока тот не раскрылся, и ударил по кисти.

Три пальца упали в пыль.

Максим закричал. Меч выскользнул из изуродованной руки, но полонец подхватил его левой и бросился вперёд, уже не защищаясь. Дамир вогнал клинок ему в плечо, однако тот словно не почувствовал.

Позади захрипел Авраам.

Один из наёмников ударил его под лопатку. Остриё вышло из груди. Авраам посмотрел на него с коротким удивлением и опустил на колени.

— Нет!

Максим преградил Дамиру путь.

— Смотри на меня, предатель!

Дамир отбил его меч и ударил в лицо. Максим рухнул. Дамир уже поворачивался к Аврааму, когда под рёбра вошла сталь.

Фурио стоял вплотную. Лицо его было спокойно.

— Ничего личного, — сказал он. — Просто работа.

Дамир хотел ответить, но во рту стало солоно. Он упал на колени. Последнее, что увидел, — лунный свет на клинке Фурио.

Удар пришёлся в шею.

Максим очнулся от боли в руке. Вокруг лежали восемь наёмников, Авраам и то, что осталось от Дамира. Девятый наёмник стоял в стороне, прижимая ладонь к распоротому боку.

— Эльфийка ушла, — сказал он. — Можно догнать.

Фурио вытер меч.

— Решай.

Максим посмотрел на северную дорогу. Всадница уже превратилась в тёмную точку и вскоре исчезла за холмами.

Он прижал изуродованную руку к груди. Девять мешков золота всё ещё существовали. Не существовало человека, который десять лет удерживал их троих от взаимного убийства.

— Пусть уходит.

— Максим...

— К чёрту золото.

Он отвернулся от головы Дамира и пошёл к коню, не зная, что причиняет больше боли: обрубленные пальцы или мысль, что в последнюю минуту друг оказался лучше него.

Глава II. Амир Фарисид

Таверна «Три ибиса» пряталась в нижнем Масиафе, на дне переулка, куда солнце заглядывало только в полдень. Над дверью уцелела одна выцветшая птица. Две другие давно стёрлись вместе с частью штукатурки.

Амир спустился по трём щербатым ступеням и остановился у входа. Внутри кисло пахло вином, мокрой соломой и бараниной. Посетители сидели небольшими группами, оставляя между собой пустые столы. Здесь ценили расстояние и не любили свидетелей.

Человека с железной рукой он увидел у стойки.

Протез начинался выше локтя. Тёмные пластины заходили одна на другую, пальцы сгибались с тихим щелчком. Металл покрывала тонкая гравировка, стёртая на костяшках. Работа стоила целое состояние; одежда владельца — несколько серебряных монет.

Хасан держал в живой руке чашу, но не пил. Он смотрел на картину: бедуинские шатры, женщины у очага, дети в пыли, мужчины под вечерним небом. Единственная чистая вещь во всей таверне.

Амир сел рядом.

— Мне нужен наёмник.

— В Масиафе их больше, чем крыс.

— Мне нужен лучший.

Хасан постучал железным пальцем по стойке. Не повернулся.

— Лучший для чего?

— Для убийства.

— Тогда тебе опять же подойдёт половина города.

Амир положил между ними кошель. Золото глухо ударило о доску.

— Моей цели недостаточно перерезать горло в переулке.

— Я знаю твою цель.

Теперь Хасан посмотрел на него. Тёмные глаза задержались на дорогой ткани плаща, на перстне с выскобленным гербом, на лице, которое три года печатали в розыскных листах.

— Амир Фарисид, младший сын покойного халифа. Назначенный наследник, объявленный отцеубийцей по воле старшего брата. Ты плохо прячешься.

— Я устал прятаться.

— Нет. Ты устал проигрывать.

Амир придвинул кошель.

— Рашид будет завтра на приёме у губернатора. С ним войдут шесть телохранителей. Остальные останутся у ворот. Сто золотых за его смерть.

— Забери деньги.

— Двести.

— Я не торгуюсь.

— Все торгуются.

Железная ладонь легла поверх кошель и толкнула его обратно.

— Три года ты живёшь ради смерти брата. Допустим, завтра он умрёт. Что ты сделаешь послезавтра?

— Верну Сардонию.

— Один, без армии, союзников и даже приличных сапог?

Амир сжал край стойки.

— Он убил отца. Продал страну Карфагену. Он казнил нашу сестру.

Хасан замер. Только на мгновение, но Амир заметил.

— Она провела меня к потайному ходу в ночь переворота, — продолжил он. — Осталась во дворце, чтобы выиграть мне время. Рашид велел судить её как сообщницу отцеубийцы. Казнь устроили у восточных ворот. Тело не снимали три дня.

— А ты видел?

— Нет.

— Значит, тебе рассказали.

— Какая разница?

— Для ненависти — никакой. Для правды — большая.

Амир вскочил.

— Ты называешь меня лжецом?

— Я называю тебя человеком, который отдал врагу все свои мысли. Рашиду не нужно держать тебя в цепях. Ты сам носишь их.

Хасан снова повернулся к картине.

— Я не возьму заказ.

— Почему?

— Потому что убийство брата не вернёт тебе ни отца, ни сестру, ни престол. А делать тебя ещё пустее мне неинтересно.

Амир забрал кошель.

— Нравится притворяться мудрецом?

— Нет. Просто однажды я уже получил всё, чего хотел.

Он поднял железную руку.

— С тех пор внимательнее выбираю желания.

Амир ушёл через заднюю дверь.

Во дворе между бочками ждал другой человек — невысокий, плотный, с серыми глазами и лицом, которое трудно было удержать в памяти.

— Ты Таркан?

— Назови цель.

— Рашид ибн Халид аль-Фарис. Халиф Сардонии.

Таркан не удивился.

— Сто золотых. Половина сейчас.

Амир бросил ему кошель.

— Завтра, после заката. Дворец губернатора.

— Как узнаешь, что работа сделана?

— Как?

— Услышишь.

Таркан исчез в переулке. Амир остался среди отбросов, чувствуя металлический привкус во рту.

Механизм был запущен. Завтра Рашид умрёт. О том, что случится дальше, можно будет подумать после.

В ту ночь Амир не спал.

Он сидел на полу съёмной комнаты и вспоминал, как Рашид учил его ездить верхом. Старшему было двенадцать, ему — семь. Амир боялся высокого жеребца, но не хотел признаться; Рашид шёл рядом, придерживал стремя и не смеялся, когда младший свалился в пыль.

Когда брат стал врагом?

Не в ночь переворота. К тому времени всё уже случилось. Возможно, в день, когда отец назвал наследником младшего сына. Рашид стоял среди придворных и улыбался. Потом обнял Амира крепче обычного и шепнул, что рад за него.

Амир поверил.

К рассвету он всё ещё сидел у стены. На кровати шуршали клопы. В соседней комнате кто-то кашлял до рвоты.

Днём Амир подошёл к дому Бен-Салаха, где остановился Рашид. На башне висело зелёно-золотое знамя. Четверо гвардейцев у ворот равнодушно следили за улицей.

За стеной находился человек, который знал, что их сестра помогла Амиру бежать. Возможно, она просила пощады. Возможно, прокляла обоих братьев. Рашид мог остановить казнь одним словом и не остановил.

Амир ушёл, прежде чем стража обратила на него внимание.

К вечеру площадь перед дворцом губернатора заполнилась гостями. Амир наблюдал с плоской крыши соседнего дома. У входа проверяли приглашения, слуги несли вино, из окон доносилась музыка.

Рашид приехал на белом коне.

Он постарел, но не ослаб. В волосах у виска появилась седая прядь; осанка осталась прямой. Шестеро гвардейцев проводили его до ступеней. Перед дверью он задержался и оглядел площадь.

Амир отступил глубже в тень.

Брат вошёл во дворец.

Теперь оставалось ждать.

Прошёл час. Потом второй. Музыка не прекращалась. Никто не кричал, стража не бежала внутрь, из окон не выпрыгивали перепуганные гости.

Что-то сорвалось.

Амир уже собирался уходить, когда двери распахнулись. Рашид появился в окружении свиты — живой, спокойный, улыбающийся. Ему подвели коня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.